

Волшебный источник Китайские сказки

ВОЛШЕБНОЕ ЗЕРКАЛО

Аннотация

А почему бы на время не забыть о заботах, рутине и серых буднях? Почему бы не сделать паузу и отдохнуть, почитав что-нибудь для души? Мы предлагаем вам очень действенную терапию — сказочную! У вас в руках — «Волшебный источник» — самая сказочная книжная серия, в которой собраны наиболее известные и любимые сказки народов всего мира. На страницах изданий серии вам откроется волшебный мир английских, арабских, датских, индийских, немецких, французских, украинских, японских, конечно же, русских и многих других сказок.

Вашему вниманию предлагается открыть удивительный и загадочный мир китайских сказок, легенд и былей, прикоснуться к традициям и верованиям одной из самых древних мировых цивилизаций.

Влас Дорошевич

Волшебное зеркало

Китайская сказка

— Так смотри же, принеси мне хороший подарок! — кричала О-Мати-Сан своему мужу Ки-Ку, который в первый раз отправлялся в город.

— Принес мне подарок? — встретила она его вопросом, когда Ки-Ку вернулся.

В городе удалось отлично заработать, и Ки-Ку принес с собою много хороших вещей для хозяйства.

— А это тебе! — сказал он, передавая Мати сверкавший металлический кружок. — Посмотри-ка сюда.

О-Мати-Сан даже вскрикнула от испуга, когда из хорошенькой рамочки, в которую был отделан металлический кружок, на нее взглянуло смеющееся женское лицо.

— Кто это? — с испугом спросила она.

— Ха, ха, ха! — залился хохотом Ки-Ку. — Кто это? Да это ты сама!

Вслед за ним залилась, словно маленький серебряный колокольчик, звонким смехом О-Мати-Сан.

— Как велика премудрость человеческая! — восклицала она, глядя в зеркало. — Они умеют там, в городе, рисовать портреты людей, которых никогда не видали!

И находя женщину, которая глядела из рамки, очень хорошенькой, говорила, что портрет чрезвычайно похож.

С этих пор дом Ки-Ку стал похож на клетку, в которой живет очень веселая птичка.

Целые дни О-Мати-Сан прыгала, пела, глядя на этот чудесный портрет, который улыбался и радовался, как она.

Но всему свое время. Среди забав и утех О-Мати-Сан родила дочку О-И-Сан. В семье стало трое — настало время труда и забот. Великолепная игрушка, как драгоценное сокровище, была спрятана в самый низ сундука, и О-Мати-Сан отдалась труду и заботам. Дочка росла.

Казалось, жизнь О-Мати-Сан переливалась в О-И. Чем больше вваливались и бледнели щеки Мати, тем больше румянец разливался по щекам О-И-Сан.

И когда ей минуло 14 лет, Ки-Ку смело мог сказать, обнимая обеих:

— Теперь у меня две маленьких Мати — старая и молодая. О-И-Сан была вылитая Мати.

Теперь она щебетала в маленьком бумажном домике, делая его похожим на клетку с веселой птичкой.

Но очередь приходит всему. Приходили и уходили радости, приходил труд, пришла и смерть, как она приходит ко всем. О-Мати-Сан умирала.

— Неужели я тебя никогда не увижу? — рыдала у ее изголовья бедная О-И.

— Дитя мое! — отвечала ей О-Мати-Сан. — Ты будешь меня видеть всегда, когда захочешь. Я всегда буду с тобой. И ты меня будешь видеть не такой, как я теперь, старой, больной, а такую, какую ты, помнишь, видела меня, когда была маленькой: веселой, смеющейся, молодой, красивой, как ты теперь. Когда я умру, открой сундук, и на дне ты найдешь мой чудесный портрет. Он был сделан, когда я была молода...

Сказала и умерла.

Поплакав по матери, О-И-Сан вспомнила о портрете, открыла сундук, достала со дна хранившийся там, как драгоценность, блестящий кружок, оправленный в красивую рамку, — взглянула и вскрикнула от радости, счастья, восторга.

На нее, улыбаясь счастливыми глазами, смотрела ее мать, не старая, не больная, а молодая, веселая, какую О-И видела ее только давно-давно, в детстве. О-И запрыгала от радости.

Теперь она целые дни проводила с волшебной игрушкой, любуясь на дорогое лицо матери. Она разговаривала с нею, и хотя мать ничего не отвечала ей, но по движениям губ, по улыбке, по блеску глаз О-И-Сан видела, что та ее понимает.

Когда О-И-Сан была радостна, улыбалась и мать. Когда О-И-Сан была грустна, грусть ложилась и на дорогое лицо, и О-И-Сан спешила улыбнуться, чтоб развеселить милую мать. Так жила О-И-Сан.

Однажды через их деревню проходил премудрый жрец великой богини Каннун.

— Что ты делаешь, дитя мое? — спросил он, увидев О-И-Сан, которая смеялась и болтала, глядя в зеркало.

— Я разговариваю с покойной матерью, — отвечала О-И-Сан, — смотрю на ее лицо и радуюсь, что она сегодня такая веселая и счастливая.

— Да разве это лицо твоей матери, неразумное дитя? — покачал головой мудрый жрец. — Разве это портрет? Это зеркало, и оно отражает твое лицо. Понимаешь, твое? Дай мне зеркало, я посмотрю, и оно отразит мое лицо.

О-И-Сан со страхом подала ему зеркало и с ужасом увидела среди хорошенькой рамочки старое, желтое, мудрое лицо жреца. — Это был твой портрет!

— Мой? — воскликнула О-И-Сан и с рыданиями упала на землю. — Я опять потеряла свою мать! И она рыдала, рыдала неутешно, лежа на земле. И сказала богиня Каннун, богиня милосердия: — Проклятый жрец! Счастье в незнании. Зачем ты знанием отравил счастье человека? Да будешь ты проклят с твоим знанием! И прокляла она премудрого жреца.

ДОЖДЬ

Сын неба, — пусть его имя переживет вселенную! — император Ли-О-А стоял у окна своего фарфорового дворца. Он был молод и потому добр. Среди роскоши и блеска он не переставал думать о бедных и несчастных. Шел дождь. Лил ручьями. Плакало небо, лили за ним слезы деревья и цветы.

Грусть сжала сердце императора, и он воскликнул:

— Плохо тем, кто в дождь не имеет даже шляпы!

И повернувшись к своему камергеру, он сказал:

— Я хотел бы знать, сколько таких несчастных в моем Пекине?

— Свет солнца! — ответил, падая на колени и наклонив голову, Тзунг-Хи-Тзанг. — Разве есть что-нибудь невозможное для повелителя царей? Еще до заката солнца ты будешь знать, отец зари, то, что тебе угодно!

Император милостиво улыбнулся, и Тзунг-Хи-Тзанг побежал быстро, как только мог, к первому министру Сан-Чи-Сзну.

Он прибежал, едва переводя дух, и второпях не успел даже отдать всех почестей, которые следовали первому министру.

— Радость вселенной, наш всемилостивый повелитель, — задыхаясь проговорил он, — в ужасном беспокойстве. Его беспокоят те, кто ходит в дождь без шляпы в нашем Пекине, и он хочет знать сегодня же, сколько их числом!

— Да есть-таки бездельников! — отвечал Сан-Чи-Сан. — А впрочем...

И он приказал позвать Пай-Хи-Во, начальника города.

— Плохие новости из дворца! — сказал он, когда Пай-Хи-Во склонил голову к земле в знак внимания. — Владыка наших жизней заметил неурядки!

— Как? — с ужасом воскликнул Пай-Хи-Во. — Разве не существует прекрасного тенистого сада, который закрывает дворец от Пекина?

— Уж не знаю, как это случилось, — ответил Сан-Чи-Сан, — но его величество ужасно беспокоят негодяи, которые ходят в дождь без шляпы. Он желает знать сегодня же, сколько такого народа в Пекине. Распорядись!

— Позвать ко мне сейчас же эту старую собаку Хуар-Дзун-га! кричал через минуту Пай-Хи-Во своим подчиненным.

И когда начальник стражи города, белый от ужаса, дрожащий, повалился ему в ноги, мандарин обрушил на его голову целый водопад проклятий.

— Негодяй, бездельник, подлый предатель! Ты хочешь, чтоб нас всех распилили пополам вместе с тобой!

— Объясни мне причину твоего гнева, — колотясь от дрожи у ног мандарина, сказал Хуар-Дзунг, — чтоб я мог понимать утешительные слова, которые ты мне говоришь. Иначе, я боюсь, я не пойму языка твоей мудрости!

— Старая собака, которой следовало бы смотреть за стадом свиней, а не за самым большим городом на свете! Сам повелитель Китая обратил внимание, что у тебя в городе беспорядки, — по улицам шатаются негодяи, у которых даже в дождь нет шляпы, чтоб надеть. Чтобы к вечеру ты мне дал знать, сколько их останется в Пекине?

— Все будет исполнено в точности! — ответил, три раза ударяясь лбом об пол, Хуар-Дзунг, и через мгновенье ока он уже кричал и топал ногами на стражей, которые были собраны оглушающими звуками гонга.

— Негодяи, из которых я повешу половину только для того, чтобы остальных изжарить на углях! Так-то вы смотрите за городом! У вас в дождь ходят по улицам без шляп! Чтобы через час [Китайский час — 40 минут] были переловлены все, у кого нет шляпы даже из тростника!

Стражи принялись исполнять приказание, — и в течение часа на улицах Пекина шла настоящая охота.

— Держи его! Лови! — кричали стражи, гоняясь за людьми, не имевшими шляп.

Они тащили их из-за заборов, из-под ворот, из домов, куда те прятались, как крысы, которых преследует повар, чтобы сделать из них рагу.

И через час без одной минуты все, кто в Пекине не имел шляп, стояли во дворе тюрьмы. — Сколько их? — спросил Хуар-Дзунг.